

УДК 334.716(470+540)(09)
ББК 65.207.1(2Рос+5Инд)Г
DOI [10.17150/2308-2588.2016.17\(2\).219-250](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(2).219-250)

К. А. Фурсов

*Институт стран Азии и Африки,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация*

ФАБРИКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И БРИТАНСКОЙ ИНДИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация. В статье рассмотрена проблема сходств и различий фабричного и частично мануфактурного производства в России XVIII – начала XX в. и колониальной Индии XIX – начала XX в. Проведено сравнение крупных предприятий двух стран по 11 параметрам, в том числе социальному составу фабрикантов и рабочих, характеру промышленной политики властей, социальным, политическим и формационным результатам развития фабрики и т. д. Ряд выводов подтверждает принятые в историографии положения (например, о совпадении экономических интересов британского колониального аппарата и индийского промышленного капитала в ущерб промышленному капиталу Британии); ряд других выводов оригинален (например, о переносе в Россию и Индию западной фабрики и особенно мануфактуры как частично элементов функциональной, а не субстанциональной капитализации мира).

Ключевые слова. Фабрика, мануфактура, Российская империя, Британская Индия, промышленность, капитализм, колониализм.

K. A. Fursov

*Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation*

FACTORY IN THE RUSSIAN EMPIRE AND BRITISH INDIA: COMMON AND PARTICULAR FEATURES

Abstract. The article analyses the problem of similarities and differences of factory and in part manufactory production in Russia in the 18th – early 20th centuries and in colonial India in the 19th – early 20th centuries. Large enterprises of the two countries are compared by 11 parameters, including the social composition of factory owners and workers, the character of the official industrial policy, economic, social, political and formal results of factory development etc. A number of conclusions confirm some accepted propositions in historiography (for instance, on the coincidence of the economic interests of British colonial apparatus and Indian industrial capital to the detriment of British industrial capital); some other conclusions are original (for instance, on the transfer of western factory and especially manufactory to Russia and India partly as elements of functional and not substantial capitalization of the world).

Keywords. Factory, manufactory, the Russian Empire, British India, industry, capitalism, colonialism.

Россия и Индия — две крупные евразийские страны, которые встроились в процесс индустриализации более или менее одновременно и на порядок позднее, чем родина промышленности — Великобритания. Две страны сближает и схожий более поздний опыт — XX в.: индустриализация в СССР и развитие госсектора в Индии при премьер-министрах Дж. Неру и И. Ганди. Компаративное исследование фабрики в СССР и независимой Индии существует [7], но сравнительных

работ по той же проблематике в предшествующий период, к сожалению, нет.

Цель настоящей статьи — кратко сопоставить фабрику двух крупных держав Евразии XIX — начала XX в., выявить сходства и различия в ее развитии. Разумеется, Индия в отличие от России была не самостоятельным государством, а входила в состав мировой Британской империи. Однако она всегда была в этой империи на особом положении (находясь под управлением сначала Ост-Индской Компании, а с 1858 г. особого министерства), и именно наличие Индии в рамках Британской империи позволяет говорить о последней как о частично сухопутной державе. Кроме того, исходная сила экономики и купечества доколониальной Индии обусловила большую специфику колониализма в этой стране, которая в раннее Новое время была центром мирового хлопчатобумажного ткачества и индоокеанской торговли. Неслучайно именно Индия стала первой страной афро-азиатского мира, где открылась фабрика (1854 г.), и единственной страной колониальной системы, где тяжелая промышленность зародилась еще до деколонизации (1911 г.).

Как известно, под фабрикой понимают крупное предприятие с использованием машин и механических двигателей. Однако в рассмотрение проблемы все же целесообразно включить и мануфактуру как предшественницу фабрики, тем более что и в Российской империи, и в Британской Индии эти два типа предприятия чаще обозначали одним термином (по-русски *фабрика*, по-английски *factory*, на языках хиндустани и фарси *kārkhānā*). Неслучайно выдающийся экономист М. И. Туган-Барановский постоянно называл русскую мануфактуру XVIII в. фабрикой (правда, от этого возникает некоторая путаница).

Сравнение фабрики России и Индии к началу Первой мировой войны уместно провести по 11 параметрам.

1. Субъект — инициатор создания промышленности и его цели при этом

В России первые мануфактуры завело правительство при Петре I (1682–1725) и их задача состояла в обслуживании вооруженных сил и административного аппарата. Правда, многие государственные мануфактуры оказались убыточными, и Петр стал принудительно передавать их в частные руки. Однако уже в 1720-е гг. частные предприниматели перехватили инициативу у государства. «Крупная промышленность развилась в соответствующей среде, которая была создана всей предшествовавшей историей Московского государства — именно, в среде крупных торговцев. Эта среда не была делом рук Петра, но если бы ее не существовало, то и возникновение у нас крупного производства в мало-мальски широких размерах было бы невозможным» [22, с. 88]. Правительственными пособиями воспользовался десяток-другой частных мануфактур, а всего при Петре их было учреждено намного больше сотни, т. е. большинство частных мануфактур обходились без помощи казны [22, с. 88]. Однако изделия даже многих частных мануфактур приобретались казной. Оружейные, литейные заводы, суконные, парусно-полотняные и другие предприятия поставляли продукцию исключительно или главным образом в казну. Лишь с возникновением хлопчатобумажных мануфактур и (в XIX в.) фабрик крупное производство начало обслуживать внутренний рынок и работать на экспорт. Первой хлопчатобумажной и льняной фабрикой России стала государственная Александровская мануфактура в Петербурге (1799 г.), где прядильные машины с 1805 г. приводились в движение паром. С нее получила машины первая частная бумагопрядильная фабрика, устроенная в 1808 г. купцом Ф. И. Пантелеевым в Москве.

В Индии крупное производство возникло намного позднее, в середине XIX в. При этом в отличие от

России фабрика и мануфактура были внедрены практически одновременно, так как были пересажены из метрополии, где уже возникли и развились. (В России мануфактура тоже была пересажена с Запада, но еще до промышленной революции.) Некоторые важнейшие производства в Индии тоже были организованы правительством. Так возникла первая кожевенная фабрика — в 1860 г. в Канпуре. Позднее были созданы некоторые другие крупные предприятия; принадлежали они уже частному капиталу, причем британскому, но тоже обслуживали потребности государства. Кстати, в доколониальной Индии был аналог реформ Петра — создание оружейных мастерских правителем княжества Майсур Типу Султаном (1782–1799), когда он пытался противостоять натиску Ост-Индской Компании.

Тем не менее, в отличие от России две отрасли в Индии, которые определили ее промышленное лицо вплоть до независимости, — хлопчатобумажная и джутовая — появились не позднее государственных предприятий, а одновременно с ними в середине XIX в. Причина в том, что в Индию фабрика была перенесена в готовом виде, тем более что произошло это на пике эпохи фритреда, которому содействовала Британская империя. Первая хлопчатобумажная фабрика в Индии была основана в 1854 г. купцом-парсом¹ К. Н. Даваром. В следующем году была введена в строй первая джутовая фабрика; принадлежала она англичанину Дж. Экленду. Хлопчатобумажные и джутовые фабрики Индии возникли и развивались благодаря активности частного капитала (британского и национального). Как и в России, они были ориентированы, прежде всего, на спрос со стороны населения.

¹ Парсы — члены этнорелигиозной общины в Индии, исповедующей зороастризм. Мигрировали из Ирана (области Фарс, отсюда название) после его завоевания арабами-мусульманами в VII в. Традиционно занимаются предпринимательством.

Таким образом, возникновение промышленности в двух странах демонстрирует и сходства, и различия. Важное сходство состояло еще в том, что в Индии как стране колониальной британцы приняли на себя несколько непривычную им роль: вмешивались в экономику на порядок больше, чем на родине, так как наладить производство некоторых видов изделий (как и современную транспортную систему) было для них необходимо для поддержания политической власти в чужой стране.

2. Социальный состав владельцев средств производства

В России первыми частными владельцами мануфактур были купцы. К середине XVIII в. их экономический успех осознало дворянство и тоже потянулось в сферу производства. В результате в начале XIX в. почти все важнейшие мануфактуры — суконные — принадлежали дворянам. К этому же времени в результате указа 1775 г. добавился третий элемент предпринимательского класса — выходцы из крестьянства. Большинство их исходно были мелкими самостоятельными производителями — кустарями или мануфактурными рабочими. Именно из кустарных изб и стали в XIX в. возникать фабрики. Так, все фабриканты Иваново были выходцами из крестьян.

В Индии среди частных владельцев предприятий основное место занимали представители предпринимательского слоя. Это были как британцы, так и индийцы — члены торгово-ростовщических каст, в том числе компрадорской прослойки (бания, бхатия, ходжа; кроме того, парсы и багдадские евреи). В отличие от России крупные землевладельцы — *заминдары*, а также правители зависимых от британцев княжеств иногда тоже заводили мануфактуры и фабрики или участвовали в акционерном капитале, хотя скорее в виде исключения. Они предпочитали вкладывать деньги по старинке в землевладение. Также, пожалуй, исклю-

чением был приход в слой фабрикантов выходцев из крестьянских каст.

Итак, в составе промышленников было больше различий, хотя с началом индустриализации переливание капитала из торговой сферы в промышленную было для купечества обеих стран естественным.

3. Характер труда на предприятиях

В России значительная доля работы на мануфактурах была принудительной. Хотя наемный труд на текстильных предприятиях формально сначала составлял 95,8 % [8, с. 30], на весь срок найма (10 лет) рабочий терял свободу. Так Петр решил проблему отсутствия рынка наемной рабочей силы. Отсюда же и переход правительства к прямому прикреплению мастеровых и к казенным мануфактурам, и к частным, в том числе посессионным и вотчинным (по указам 1721 и 1736 гг.). По справедливому замечанию М. И. Туган-Барановского, в XVIII в. «правительство пыталось создать капиталистическую фабрику, но силою вещей создалась крепостная фабрика» [22, с. 144]. Причина состояла в низкой производительности труда, из-за чего принудительная работа оказывалась для фабриканта выгоднее. Положение стало меняться лишь на протяжении первой половины XIX в., когда промышленность переросла государственный спрос.

В Индии на фабричных и мануфактурных предприятиях с самого начала работали наемные рабочие. Складыванию рынка рабочей силы содействовали британцы, вторжение которых на индийский рынок разлагало сельскую общину и лишало ремесленников заработка путем импорта дешевой фабричной продукции. Вместе с тем положение большинства индийских рабочих было незавидным из-за низкой зарплаты и ростовщической кабалы. Наем тоже был специфическим, учитывая силу института *дjobберов* — мастеров, наладчиков, старших рабочих, которые держали ши-

рокие слои пролетариата в патриархальной зависимости от себя (подробнее см.: [5, с. 460–462]).

Так разный характер социально-экономического строя в двух странах диктовал разные формы труда на производстве.

4. Социальный состав рабочего класса

В России рабочий класс сначала формировали крестьяне на казенных, посессионных и вотчинных мануфактурах. Позднее — по мере роста городского населения, распространения отхожих промыслов, вытеснения в промышленном районе барщинной системы оброчной — доля вольнонаемного труда на фабриках росла. По мнению М. И. Туган-Барановского, он стал преобладающим еще до 1861 г. [22, с. 147–148]. Однако нельзя забывать о специфике этого труда в дореформенной России: большинство рабочих были крепостными или государственными крестьянами, уходившими на заработки. В Индии рабочие фабрик и мануфактур, несмотря на оговорки выше, все-таки были наемными исходно.

Характерной чертой рабочего класса обеих стран была сохранявшаяся тесная связь с деревней. Она резко отличала и Россию и Индию от родины промышленной революции, от других стран Западной Европы и от США. В обоих случаях эта связь сохранялась из-за низкой заработной платы вследствие аграрного перенаселения: ее часто хватало лишь на содержание самого рабочего, без членов семьи. Это было главной причиной того, что слой постоянных фабричных рабочих формировался медленно. Если же Россию и Индию сравнить, то в последней как стране более аграрной² связь рабочих с деревней была крепче, хотя в России она до реформы 1861 г. поддерживалась и юридически. Однако и в начале XX в. русский рабочий по-преж-

² В России в 1913 г. уровень урбанизации составлял 17,6 % [12, с. 131], в Индии в 1911 г. — лишь 9,4 % [42, с. 519, табл. 5.19].

нему представлял собой в основном находящегося на временных заработках земледельца-собственника [17, с. 113–114]. В Индии того же периода основная масса рабочих также еще не порвала связей с деревней, где жили их семьи и куда возвращались они сами [11, с. 89]. В 1911 г. лишь 11 % фабричных рабочих Бомбея были уроженцами этого города; остальную часть рабочей силы нанимали в других районах Бомбейской провинции и на востоке Соединенных провинций [41, с. 114]. Специфической чертой рабочего класса в Бомбее была связь с деревней не только полупролетарских прослоек (носильщиков-кули, разнорабочих и т. п.), как в Европе и Америке, но и большей части кадровых рабочих. 70–80 % постоянных кадров пролетариата оставляли семью в деревне и сохраняли с ней тесную социальную и бытовую связь [5, с. 474].

По причине низкой оплаты труда на фабрику шли не выходцы из беднейших слоев общества: парадоксальным образом они не могли позволить себе уйти в город как раз из-за отсутствия у них земельного участка (и/или долгов перед ростовщиком, крупным землевладельцем, государством). В рабочие нанимались относительно состоятельные крестьяне, у которых имелся свой или арендованный участок. Он мог прокормить членов их семьи в их отсутствие. Так, на текстильных фабриках Бомбея и Ахмадабада рабочий класс формировали не разоренные ремесленники или члены низших земледельческих каст, а представители высших крестьянских каст.

Общей чертой индустриализации России и Индии как стран, куда фабрика была пересажена извне, был нередко коллективный наем рабочих. В России был распространен артельный наем. В Индии это явление имело параллель в виде найма рабочих одной касты, который был скорее правилом, чем исключением. В определенные отрасли промышленности и даже в определенные цеха набирались рабочие из одной

касты, а зачастую даже из одной местности [5, с. 457]. В обеих странах очевидно проявление черт традиционного общества, «проросших» в современность. Этим Россия и Индия принципиально отличались от Британии, где общество было атомизировано тремя веками огораживаний и упадка ремесла.

5. Источник обеспечения фабрики оборудованием

Здесь наблюдается больше сходств, чем различий. Из-за технического отставания России и Индии от Западной Европы обе страны были вынуждены ввозить фабричное оборудование оттуда. В России собственная техническая база была очень слаба [17, с. 83]; в истории хлопчатобумажной фабрики Центрального промышленного района известна ведущая роль фирмы Л. Кнопа в поставках прядильных, ткацких, красильных и набивных машин из Британии. От импорта основного капитала оттуда же целиком зависели и индийские фабриканты: здесь Британия выступала не только как родина технологий, но и как метрополия. При этом приобретать оборудование, вспомогательные материалы, полуфабрикаты приходилось по монополюно высоким ценам. В результате если в Ланкашире прядильная фабрика стоила 50 тыс. ф. ст., в Бомбее фабрика равной мощности стоила втрое больше [33, с. 714]. К тому же, по меткому выражению советского индолога В. И. Павлова, колониализм «заставил индийскую фабрику пользоваться техническими обносками Европы» [16, с. 293].

Также обеим странам приходилось широко использовать иностранные технические кадры из более развитых государств.

6. Характер промышленной политики властей

Он зависел от того, какие круги определяли политику. В России власть в целом заботилась об интересах мануфактуристов, тем более что при Екатерине II (1762–1796) значительную их часть составили дворяне.

Тарифная политика при Екатерине и Павле (1796–1801) привела к подорожанию импортных мануфактурных изделий. Отечественному производству пошло на пользу и присоединение Александра I (1801–1825) к континентальной системе Наполеона в 1811 г. Правда, большим весом пользовались и помещики, а многие из них выступали за свободу торговли. Русские фритредеры утверждали, что Россия — страна земледельческая и фабрики ей просто не нужны. Если на Западе фритредеры были идеологами капитализма и буржуазии, в России они, напротив, были идеологами земельного дворянства и защитниками крепостного права [22, с. 297]. Фритредеры добились краткого успеха в 1819 г., когда был принят либеральный тариф. Однако уже в 1822 г. фабриканты добились возврата к запретительной системе. Среди них было немало представителей высшего дворянства, а самые богатые помещики тоже были заинтересованы в развитии мануфактуры, так как их оброчные крестьяне получали там свой доход. В дальнейшем в России шло неуклонное укрепление протекционизма.

В Индии промышленная политика вначале в корне отличалась от российской, что, естественно, было связано с ее колониальным статусом. В 1882 г. министерство по делам Индии в Лондоне и правительство Индии в Калькутте под давлением мощного лобби хлопчатобумажных фабрикантов Ланкашира в парламенте отменили почти все импортные и экспортные пошлины. В результате эти пошлины составили всего 2,2 % товарооборота Индии — меньше, чем в любой другой стране мира [35, с. 56; 20, с. 645].

Кроме того, Британия под воздействием того же лобби к концу XIX в. стала навязывать Индии рабочее законодательство. Стимулом был главным образом не альтруизм, а то же стремление ослабить конкурентоспособность индийской фабрики, лишить ее главного преимущества — эксплуатации сверхдешевой рабочей силы. Правда, требования улучшить условия труда на-

толкнулись на интересы не только индийских фабрикантов, но и британских предпринимателей в Индии. Поэтому результаты рабочего законодательства оказались скромными. Первым шагом в фабричном законодательстве Индии стал принятый Законодательным советом вице-короля в Калькутте Акт об индийских фабриках 1881 г. Он запретил работать детям до 7 лет, а труд детей до 12 лет ограничил 9 часами в день. Акт 1891 г. повысил минимальный возраст рабочего до 9 лет, а труд детей до 14 лет ограничил 7 часами. Наконец, Акт о фабриках 1911 г. в связи с внедрением электрического освещения запретил работать женщинам более 11 часов в день; труд на текстильной фабрике для всех категорий рабочих был ограничен 12 часами [34, с. 64, 151, 173–174]³.

Эти меры британских властей по торможению хлопчатобумажной отрасли Индии разительно отличались от экономического курса правительства России, где предназначение Александровской мануфактуры состояло в том, чтобы распространять использование прядильных и ткацких машин (поэтому она и называлась образцовой). Поскольку хлопчатобумажная фабрика Индии все же окрепла и стала успешно конкурировать с британской, развилась она отчасти вопреки экономическому курсу метрополии.

Британская буржуазия сознательно не финансировала опасных для себя проектов. Так, ее представители могли бы основывать хлопчатобумажные фабрики в самой Индии, но столкнулись бы на родине с общественным порицанием как предатели ее экономических интересов. А когда хлопчатобумажный фабрикант-парс Дж. Тата, задумав построить первый

³ Правда, предприниматели мало считались с фабричным законодательством. Время они нередко считали не по часам, а по оборотам станка, исходя из максимального числа оборотов в час, а кое-где (например, в Каншуре) на 1,5–3 часа в день останавливали фабричные часы [13, с. 49].

в Индии металлургический завод, попытался собрать с этой целью капитал в Лондоне, попытка провалилась. Учрежденная его сыновьями фирма *Tata Iron and Steel Company* (TISCO) все же построила завод; с 1911 г. он выпускал железные изделия, а со следующего — и стальные. Однако власти ставили препоны разведке недр в Южном Бихаре, проводили дискриминацию заказов завода и соответствующую таможенную политику [16, с. 188]. Британское правительство не поощряло развитие в Индии тяжелой промышленности вообще — даже если предприятия принадлежали соотечественникам. Так, хотя в Калькутте возникли принадлежащие британцам машиностроительные фирмы, министерство по делам Индии из принципа размещало заказы на железнодорожные вагоны в метрополии. Лишь Первая мировая война заставила Британию пересмотреть эту политику, так как стратегическая необходимость требовала сделать Индию более самостоятельной с точки зрения производства.

Та же логика вынудила британцев ввести в Индии протекционистский тариф против собственной фабрики. К концу XIX в. промышленную политику британцев в Индии стали диктовать не только интересы их отечественной фабрики, но и другие, не менее важные, соображения — фискальные. Потребности государственного бюджета, нужды содержания административного аппарата и армии заставили правительство Индии в 1894 г. вернуть импортные пошлины в размере 5 %, хотя под давлением Ланкашира их дополнили таким же акцизом на вывоз индийских тканей и пряжи [30, с. 868; 23, с. 600]. К негодованию британских фабрикантов протекционистская тенденция развивалась, и в 1921 г., после реформ Монтегю-Челмсфорда (замена режима автократии режимом диархии), Индия получила фискальную автономию, в результате чего основные отрасли ее производства обрели ту или иную степень протекционизма. Так совпали интересы

британского колониального аппарата и индийского промышленного капитала, ударив по британскому промышленному капиталу⁴.

Впрочем, хлопчатобумажные отрасли России и Индии находились в разных условиях. Россия была вынуждена закупать сырье за рубежом (в США, Туркестане, Египте, Иране) и даже после вхождения Туркестана в состав империи в 1860-е гг. все равно ввозить ферганский хлопок издалека. В Индии хлопкопроизводящие районы находились почти рядом с фабричными центрами. Во многом из-за этого, как отмечают специалисты, протекционистский тариф в Индии оказал бы на развитие промышленности не такое уж большое воздействие. И хлопчатобумажная, и джутовая отрасли не только быстро развивались без протекционизма, но и успешно сбывали продукцию за рубежом, где тарифы не помогли бы [36, с. 555]. В России же запретительный тариф 1822 г. сыграл немалую роль в развитии хлопчатобумажной фабрики, и без него Британия ввозила бы в Россию не пряжу, а миткаль или ситец [22, с. 127].

В России, правда, тенденция властей к торможению своей промышленности в определенный период тоже просматривалась. (Конечно, британцы, строго говоря, не воспринимали индийскую промышленность как свою; своя для них оставалась в Европе.) На взгляды части правящих кругов России влияли сооб-

⁴ Кстати, и в России и в Индии был социальный слой, чья деятельность субъективно или объективно была направлена против индустриализации собственной страны. Если в Индии это были компрადоры – посредническая часть купечества, которая занималась сбытом товаров британской фабрики и поставками ей сырья, то в России таким слоем выступали те самые фритредеры (многие из которых были не купцами, а помещиками), утверждавшие, будто фабрика стране просто не нужна, у нее иная хозяйственная специализация. Оба слоя стремились консервировать подчиненное положение своих стран в мировой экономической системе, или, говоря языком мир-системного подхода, полупериферийного (для России) и периферийного (для Индии) статуса в капиталистической мир-экономике.

ражения государственной и социальной безопасности. Как аргумент против фабрики приводили пагубный пример «духа буйства и мятежа» в промышленных городах Британии. Министр финансов (1823–1844) граф Е. Ф. Канкрин считал связь русского рабочего с деревней «величайшим достоинством», которое позволяет крестьянину не впасть в нищету в случае «застоя в работах», приводящего к беспорядкам, и «невозможно предвидеть, как далеко может зайти в своем озлоблении такой народ при подобных обстоятельствах» (цит. по: [22, с. 311]).

Однако государственные деятели с такими настроениями остались в меньшинстве, и еще при Николае I (1825–1855) правительство делало для развития фабрики немало: поддерживало запретительный тариф, оказывало денежную помощь фабрикантам, устраивало образцовые заведения наподобие Александровской мануфактуры. При этом, как и в Индии, покровительство крупному производству диктовалось, прежде всего, интересами казначейства. Классовые интересы фабрикантов играли второстепенную роль [22, с. 314].

Так парадоксальным образом власти содействовали развитию промышленности в обеих странах, хотя одна была колониальной, а другая — нет.

В России фабричное законодательство тоже служило инструментом борьбы двух групп буржуазии, но внутри страны. На ограничении продолжительности рабочего дня настаивали петербургские фабриканты из-за конкуренции с московскими: предприятия Москвы в техническом отношении уступали Петербургу и компенсировали это ночной работой и более низкой зарплатой. Победой столичной промышленной буржуазии стали первые в России фабричные законы — 1882 г. о запрете работать для детей до 12 лет и учреждении фабричной инспекции, 1885 г. о запрете ночного труда подростков до 17 лет и женщин и 1886 г. о порядке найма рабочих-муж-

чин [27, с. 71]. В 1897 г. при лоббировании фабрикантов Петербурга и Лодзи был издан закон, который впервые ограничил трудовой день рабочих-мужчин (11,5 ч) [22, с. 405, 411–412].

7. Национальная принадлежность промышленного капитала

Схожим для фабрики двух стран было значительное присутствие иностранного (западного) капитала. Главная причина состояла в том, что сама фабрика была экспортирована в Россию и Индию с Запада. В Индии присутствие западного капитала усиливалось колониальным статусом страны. Так, одна из двух главных отраслей индийской промышленности рассматриваемого периода – джутовая – полностью находилась в руках британского капитала. Правда, индийский капитал плохо шел в нее главным образом из-за низкой прибыли [36, с. 570]. Кстати, толчком к развитию джутовой промышленности Индии послужила Крымская война 1853–1856 гг., когда с мирового рынка исчезла русская пенька.

Велик был удельный вес иностранного предпринимательства и в России. Упомянутая контора Л. Кнопа в силу своей роли поставщика оборудования была важнейшим акционером ряда хлопчатобумажных фабрик. Позднее такая ситуация повторилась в металлургии (вспомним основателя Донецка англичанина Дж. Юза). В 1900–1915 гг. доля иностранного капитала в промышленных акционерных компаниях России составляла 50 % (в отраслях группы «А» она в 1914 г. достигла 59,8 %, группы «Б» – 19,2 %) [17, с. 78].

В России в отличие от Индии первые хлопчатобумажные (ситцепечатные) предприятия создали в 1753 г. иностранцы – англичане У. Чемберлен и Р. Козенс. Правда, отечественные мануфактуристы и фабриканты позднее перехватили эстафету. В Индии через столетие первые фабрики в этой отрасли создал национальный капитал (К. Н. Давар, затем другие

предприниматели-парсы) и пальму первенства не выпускал на протяжении всего колониального периода. На первый взгляд это выглядит парадоксом: ведь все фабричные технологии происходили из Британии, а Индия была страной зависимой. Однако, как отмечено выше, среди британских бизнесменов бросить вызов Ланкаширу как мощному выразителю отечественных экономических интересов мало кто решался. Этим и воспользовался индийский капитал. В результате к 1921 г. из 345 хлопчатобумажных фабрик Индии в собственности европейцев и англо-индийцев (метисов) находились всего 9 [29, с. 206]. Что касается объема капиталовложений в промышленность Индии в целом, то к концу Первой мировой войны индийские вложения превысили британские [26, с. 21].

8. Экономические результаты развития фабрики

Общим для двух стран был рост удельного веса фабрики в экономике. В России уже во второй четверти XIX в. развитие крупной промышленности значительно опережало рост внутренней и внешней торговли [21, с. 30]. После 1845 г. фабричная продукция начала вытеснять с рынка мануфактурную [21, с. 28]. Уже в 1879 г. 9/10 хлопчатобумажных тканей в России было произведено на механических станках [8, с. 63]. Хотя в Индии на фабрику приходилась тоже небольшая доля занятых в производстве, ее вклад в национальный доход также намного превосходил количественные показатели. Именно фабрика привела к подъему Бомбея и Калькутты, сформировала городской рынок труда, содействовала развитию транспортной инфраструктуры, законодательства и банков. Впервые больше хлопчатобумажных тканей, чем ремесленники, индийские фабрики выпустили в 1909/10 г. За период 1858–1914 гг. доля изделий хлопчатобумажной и джутовой промышленности в экспорте Индии выросла с 4,3 до 17,7% [32, с. 128, табл. 4.9].

По сравнению с Западом для обеих стран была характерна низкая доля промышленности в национальном доходе (и медленные темпы роста этой доли). В этом смысле прав известный британский историк К. Бэйли, отметив, что во многих отношениях Россию XIX в. правомернее сравнивать с Китаем и странами колониальных империй, чем с Западной Европой [28, с. 177]. Вместе с тем между собой Россия и Индия различались существенно: в России в 1913 г. доля промышленности составила 34,9 % [15, с. 82], в Индии в 1900 г. — лишь 2,5 % [39, с. 84, табл. 3.8].

Другой общей чертой был вклад фабрики в появление капитализма и его развитие в условиях многоукладности. Это противопоставляет две страны родине индустриализации, где промышленный переворот начался уже в условиях полного господства капиталистического уклада и в сельском хозяйстве, и в мануфактуре. Также развитие фабрики России и Индии привело к втягиванию их экономик в мировую капиталистическую систему и усилению их зависимости от ее кризисов.

В отношениях крупного производства с мелким в обеих странах наблюдались две противоположные тенденции. С одной стороны, развитие фабрики вело к разорению части ремесленников, к деиндустриализации традиционного общества. В Костромской губернии кустарное пряденье льна почти исчезло уже в 1860-е гг. [22, с. 447]. В Индии ручное изготовление пряжи похоронила после 1870 г. конкуренция именно отечественной, а не британской фабрики [41, с. 108]. Правда, в новейших работах по экономической истории Индии подчеркивается относительность процесса разрушения ручного ткачества фабрикой [39, с. 65–67].

С другой стороны, между крупным и мелким производством развивался симбиоз. В России, как подчеркнул М. И. Туган-Барановский, после создания в конце XVIII в. иностранными капиталистами крупного хлопчатобумажного производства именно мануфактура

породила кустаря, что с точки зрения обычной теории странно [22, с. 119, 246, 259]. Поскольку на стадии мануфактуры крупное производство не имело значительных преимуществ перед мелким (ручной ткацкий станок был доступен каждому крестьянину), мануфактуристы убедились в нерентабельности больших зданий и стали раздавать пряжу крестьянам на дом. В Индии фабрика и ткач-ремесленник тоже зависели друг от друга, хотя по-иному. Второй после Бомбея центр хлопчатобумажного производства г. Ахмадабад в Гуджарате с самого начала производил пряжу главным образом на внутренний рынок. Бомбей стал переориентироваться на него же к концу XIX в., когда продукция поднимавшейся в эпоху Мэйдзи японской промышленности стала вытеснять бомбейскую пряжу с рынка Китая. Так, в 1905 г. ручное ткачество Индии потребило 27 % выпущенной отечественными фабриками пряжи [14, с. 514]. Ремесло выигрывало от снижения цен на пряжу и составляло фабрике большой рынок сбыта. Кроме того, возрождение ручного ткачества стало возможным и благодаря распространению новых инструментов и машин [40, с. 193–194]. Это сближает индийского ткача конца XIX — первой половины XX в. с русским ткачом первой половины XIX в., который, как сказано выше, был порожден мануфактурой. Заинтересованность индийской прядильной фабрики и ручного ткачества друг в друге стала экономической основой вспыхнувшего в первое десятилетие XX в. массового движения *свадешти* (на хинди «своя страна»), которое заключалось в бойкоте британских товаров. Ремесленники использовали полуфабрикаты промышленного производства и в других отраслях, например, в изготовлении черепицы.

Подъем фабричного производства сильно повлиял на внешнюю торговлю двух стран. Именно благодаря фабрике Индия начала отвоевывать свое место крупнейшего в мире экспортера хлопчатобумажных изде-

лий, т. е. стала бить колониального хозяина его же оружием. С середины 1880-х гг. пряжа индийских фабрик стала вытеснять пряжу британских с китайского рынка (правда, как только что сказано, уже к началу XX в., в свою очередь, начала уступать место японской). Уже к 1913 г. Индия по экспорту пряжи вышла на второе место в мире после Британии [36, с. 577].

Одно из важнейших различий в экономических результатах индустриализации двух стран заключалось в степени развития тяжелой промышленности. В России в силу географической близости к центрам разработки технологий, а также независимого статуса страны промышленность была развита на порядок выше. Металлургические заводы появились еще в XVIII в., а к XIX в. относится начало машиностроения (Александровский, Сормовский заводы). И хотя рост производства средств производства — достижение главным образом советского периода, в 1913 г. его удельный вес в валовой продукции страны составлял уже 33,3 % [15, с. 83]. Индия в этом отношении значительно отставала от России, что не в последнюю очередь было обусловлено колониальным статусом. Так, если Россия сама выпускала локомотивы для своих железных дорог с 1860-х гг., то Индия — лишь с 1890-х. Если Российская империя в 1913 г. выплавляла чугуна и стали по 4,2 млн т [9, с. с. 133, табл. 115; с. 134, табл. 116], то Индия — всего 207 тыс. т чугуна и 63 тыс. т стали [32, с. 107]. Обратной стороной этого было то, что в России 64,5 % активов в металлургии приходились на иностранный капитал (данные на 1915 г. [17, с. 195, табл. X]), тогда как в Индии отрасль была целиком представлена национальным капиталом (причем всего одной компанией — TISCO).

Тем не менее, среди бывших колоний Индия — единственное исключение в том смысле, что развитие тяжелой промышленности началось в этой стране еще в колониальный период. Уже ко времени деколониза-

ции (1947 г.) в Индии сложилась самая мощная в развивающихся странах национальная буржуазия [26, с. 6]. Связано это с исходной силой капитала, который был накоплен крупным купечеством еще в доколониальный период и при британской власти приумножен (благодаря сначала компрадорской торговле, а затем созданию легкой промышленности). Вообще фабрика в Индии возникла и развилась, несмотря на отсутствие к середине XIX в. необходимых условий: был неблагоприятным ценовой фактор, процентные ставки были в 2–3 раза выше, чем в финансовых центрах Европы. Эти обстоятельства были нейтрализованы наличием достаточного торгово-банковского капитала и интеграцией факторных рынков (Британская империя как единое экономическое пространство) [38, с. 18–19].

9. Социальные результаты развития фабрики

Общим для двух стран было появление двух новых слоев (говоря марксистским языком, классов) — крупной буржуазии и фабрично-заводского пролетариата. Особенное состояло в позициях этих слоев относительно друг друга и в обществе в целом. В России к началу XX в. старые правящие группы оказались уже ослабленными, а буржуазия — еще недостаточно окрепшей. В Индии буржуазия с самого начала была явно сильнее рабочего класса, для которого и по сей день характерна исключительная социальная пестрота, разделенность кастовыми, этническими и религиозными перегородками. К этому надо добавить сверхдешевизну труда, которая делала из фабричных рабочих некую привилегированную прослойку, заинтересованную в сговорчивости по отношению к работодателям. Нельзя забывать и о деятельности М. К. Ганди (после его возвращения на родину из Южной Африки в 1915 г.), который канализировал недовольство масс в русло, приемлемое и для британских властей, и для индийских имущих слоев.

К тому же в российском обществе рабочий класс имел несколько больше веса, чем в индийском. При общей численности населения России в 1911 г. 164 млн человек [18, с. 21, табл. 3] численность рабочих на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, определялась в 1,9 млн [19, с. 42, табл. 13], составляя 1,2 % населения. В Индии при населении в 1911 г. 303 млн человек [32, с. 2, табл. 1.1] фабрично-заводской пролетариат насчитывал 955 тыс. [32, с. 110], составляя лишь 0,3 % населения.

Так и получилось, что хотя в Индии рабочие и устраивали мощные забастовки уже в первом десятилетии XX в. (в рамках волны социальных потрясений и революций по всему Востоку, которую вслед за В. И. Лениным принято называть «пробуждением Азии»), рабочее движение не носило резко антикапиталистического характера. Поэтому в Индии не имела большого влияния коммунистическая партия (основана в 1925 г.); к тому же британцы, уже зная российский опыт и учитывая деятельность Коминтерна, эту партию запретили, а создавать профсоюзы разрешили только в 1926 г. [31, с. 7]. В России рабочие оказались намного более взрывоопасным слоем, назрела революционная ситуация — из-за слишком быстрой ломки традиционных отношений, на смену которым не успели устояться новые. Это усилилось Первой мировой войной, в которой страна участвовала непосредственно, формированием «партии нового типа» и подрывными действиями держав обеих лагерей — и «союзников» по Антанте, и Германии. В Индии же революционная ситуация так и не возникла — по причине замедленности капиталистической трансформации экономики и общества, а также решительных действий репрессивного аппарата империи. Британцы в Индии не церемонились с инакомыслящими так, как это делали в либеральной Европе.

10. Политические результаты развития фабрики

Формирование крупной буржуазии привело в обеих странах к требованиям к властям защищать ее экономические интересы и допустить ее к участию в политической жизни через создание представительных институтов. Именно развитие фабрики в конечном счете привело в России к возникновению либеральных политических партий и учреждению Государственной Думы (1905 г.), а в Индии — к учреждению Индийского национального конгресса (1885 г.) и других общественно-политических ассоциаций, к реформам Морли-Минто (1909 г.) и Монтегю-Челмсфорда (1919 г.), которые расширили доступ представителей индийской элиты к управлению страной.

11. Формационные результаты развития фабрики

Общее для России и Индии состояло в формировании нового, капиталистического, уклада. В Индии накануне Первой мировой войны главным показателем роста капитализма уже была фабричная промышленность, а не железные дороги, как во второй половине XIX в.

Правда, степень развития капитализма в России в историографии, к сожалению, завышена. Так, М. И. Туган-Барановский, похоже, отождествлял с капитализмом всякое предпринимательство. Как развитие капиталистического уклада он трактовал подъем не только фабрики, но и кустарного производства в XIX в. — на том основании, что кустарь находился в зависимости от посредника, скупщика [22, с. 245–246]. Под «капиталистическим классом» М. И. Туган-Барановский понимал купеческий слой вообще [22, с. 80, 89]. Справедливости ради надо отметить его правоту, когда он пишет: «Петр не может считаться насадителем капиталистического производства в России по той простой причине, что вызванная им крупная промышленность не была капиталистической. Социальное и экономи-

ческое положение тогдашней России было таково, что капиталистическое (т. е. основанное на наемном труде) производство у нас было невозможно. Для последнего не хватало в России самого важного условия – класса свободных рабочих» [22, с. 92]. Однако многие советские историки находили зачатки капитализма еще в Московской Руси XVI–XVII вв. Так, И. М. Кулишер видел «начала капитализма» в процессах накопления в среде купечества этой эпохи [10, с. 562 и след.].

Схожая европоцентристская точка зрения, переносившая закономерности развития одного региона на весь мир, существовала в советской индологии. Согласно ей, в Индии к началу XIX в. без всякого западного влияния сложились зачатки капитализма в виде «частной феодальной собственности» и рассеянной мануфактуры (напр.: [25]). Эти выводы не подкрепляются ни фактами, ни мнением ряда других специалистов [1; 2].

Представляется верным подход, согласно которому капиталистический уклад не только был всецело принесен и в Россию и в Индию извне, но и его доля в экономике двух стран к началу XX в. все еще была относительно невысокой. Если по вопросу о формационной принадлежности доколониальной Индии шли горячие споры, то в отношении колониальной Индии советские индологи были единого мнения: «пересаживание» капитализма из Британии в Индию путем вывоза капитала вело к образованию сектора капиталистических отношений лишь в очень узкой сфере производства [14, с. 92]. Несмотря на высокую в сравнении с Индией долю фабрики в национальном доходе России, удельный вес капитализма в ее многоукладной экономике тоже был невелик. Так, пролетариата западного типа было немного и концентрировался он на иностранных предприятиях [4].

Несмотря на замедленность складывания капитализма в обеих странах, результат этого процесса оказался качественно разным. В России фабрика, сфор-

мировав пролетариат, в конечном счете действительно способствовала приходу социализма, как предсказывал К. Маркс. В Индии она в долгосрочной перспективе больше содействовала экстенсивному и интенсивному распространению капитализма из-за колониального подчинения страны, из-за того факта, что метрополией выступала не просто развитая капиталистическая страна, а страна-гегемон мировой капиталистической системы XIX в., а также из-за исходной экономической мощи торгово-банковских домов. Однако сближает Россию и Индию то, что накопление купечеством богатства накануне индустриализации по сути не было ни капиталистическим, ни даже первоначальным накоплением. Лишь в ретроспективе его можно считать первоначальным.

Одна из причин, по которым капитализм все-таки прошел в Индии и не прошел в России, касается некоторых социальных особенностей. Индию сближала с Британией высокая иерархизированность общества, настоящая пропасть между имущими и неимущими слоями. В Индии она возникла задолго до колониализма и была им лишь усилена. В этой стране взаимопомощь развита только внутрикастовая, а многие хозяева плюют на работников⁵. В колониальный период белые «сахибы», как правило, обращались с «туземцами» минимум не хуже, чем на протяжении всей индийской истории высококастовые индийцы обращались с низкокастовыми. Такое обращение принято и не оспаривается на системном уровне. Поэто-

⁵ Иногда буквально. Несколько лет назад один приезжий из России был свидетелем того, как по дороге недалеко от Дели провозили в грузовиках работников в клетках на какие-то подпольные плантации; наверху клеток сидели сторожа с пиками и ради забавы покалывали ими людей и плевали в них. Это крайний случай, так как здесь экономическая деятельность была нелегальной, а труд — полностью подневольным, но он отражает тенденцию. По личным наблюдениям автора: отношение к представителям низких каст в Индии (уборщикам, носильщикам на вокзалах и т. п.) настолько плевое, что нам и помыслить трудно.

му хотя в советской индологии британцев называли «истинными виновниками бедственного положения пролетариата» [5, с. 453], сомнительно, что индийские фабриканты не стали бы выжимать последних соков из своих рабочих даже без экономического давления метрополии. В России же, несмотря на всю сложность отношений труда и капитала, фабриканты, начиная с посессионных мануфактур XVIII в., нередко обеспечивали своим рабочим «социальный пакет» (пусть часто и под нажимом государства) — в виде жилья для работников с семьями, огородов, касс взаимопомощи, больниц, бань, детских садов и школ, изб-читален, богаделен⁶. Неудивительно, что еще в 1885 г. в Петербургском фабричном округе доля грамотных среди малолетних рабочих составила 55 %, а еще 16 % были полуграмотными [6, с. 83, табл. 2]. В России сильны представления о социальной справедливости. Исторически и в России и в Индии традиционно сильна общинность — но принципиально разная. В Индии лишь немногие фабриканты заводили для рабочих пенсии и принимали иные меры по социальному обеспечению. По-настоящему рабочее законодательство в Индии стали принимать только в 1950-е гг. Хотя М. И. Туган-Барановский, отмечая низкую производительность труда русского рабочего, дороговизну капитала и другие неблагоприятные факторы, писал, что быстро двигаться по пути промышленного прогресса России мешает, по выражению Н. Г. Чернышевского, «азиатство» [22, с. 377], его сравнение кажется поверхностным и исходит из идеи западной цивилизации как безусловного эталона для всех прочих.

Возникновение и развитие фабрики в Российской империи и Британской Индии имело как схожие чер-

⁶ Факт превращения рабочих в кадровый пролетариат благодаря постройке дома и разведению огорода при содействии заводчика признал даже ранний советский историк [3, с. 25–26]. Правда, он трактовал эту помощь однозначно как средство закабаления.

ты, так и серьезные различия. Едва ли нужно повторять мини-выводы отдельных параграфов, поэтому в заключение отмечу лишь следующее.

Две страны сближает то, что и мануфактура, и собственно фабрика были заимствованы из Западной Европы и в рассмотренный период промышленный переворот в целом затронул только легкие отрасли. Ведущей отраслью промышленности было текстильное производство, в то время как Британия уже к середине XIX в. переходила к развитию группы «А». Вместе с тем в России, как и в Британии, фабричный период следовал за мануфактурным, тогда как в Индии два периода наступили более или менее одновременно (в середине XIX в.). Причиной многих различий в развитии фабрики двух стран выступал, конечно, колониальный статус Индии. В частности, во многом из-за него Индия, если не считать металлургического завода Тата, за рассмотренный период так и не успела обзавестись тяжелой промышленностью. Поэтому известный американский экономист У. У. Ростоу и отнес начало «взлета» (*take-off*) экономики России примерно к 1890–1914 гг., а Индии — только к 1952 г. [37, с. 38, табл. 1].

Одно из главных сходств в развитии России и Индии XVIII–XIX вв. заключалось в том, что, столкнувшись с мировой капиталистической системой и ее способом производства — становящимся промышленным капитализмом, обе страны пытались перенести к себе скорее его функцию (организационные формы — бюрократию, армию, науку), чем субстанцию (производство и отношения капиталистической собственности в строгом смысле термина). (Подробнее о субстанции и функции капиталистической системы см.: [24, с. 16–47].) В России это, прежде всего, реформы Петра, целью которых было выковать новую армию и административную систему. В Индии сначала независимые правители (такие, как Типу Султан) создавали собственные «полки нового строя» для сопротивления

британцам, а позднее сами британцы, утвердив свою власть, создали аппарат управления и принуждения, не спеша переносить в страну промышленные технологии. Перенести капиталистическую субстанцию за пределы ядра капиталистической системы всегда было труднее, чем функцию, поэтому функциональная капитализация мира исторически (по меньшей мере, до НТР и глобализации) опережала субстанциальную.

Правомерно возразить: ведь фабрика (и мануфактура) – элемент субстанции, а ее тоже заимствовали. Однако внедрение Петром западной мануфактуры можно частично рассматривать как перенос именно функции, поскольку казенная, посессионная и даже вотчинная мануфактура работала на совершенно иных организационных принципах, чем капиталистические предприятия современных Петру Нидерландов и Англии. Главной целью русских мануфактур XVIII в., как и первых мануфактур, внедренных британцами в Индии в XIX в., было обслуживание государства. Внедрение в России и Индии собственно фабрики частным капиталом можно трактовать как перенос на полупериферию и периферию капиталистической системы уже субстанции, но произошел он позднее переноса функции. К тому же исходно фабричное производство в России тоже во многом насаждало правительство (Александровская мануфактура). Наконец, к началу Первой мировой войны фабрика в экономике обеих стран еще играла относительно скромную роль.

Что касается долгосрочной перспективы, то с точки зрения запустившего ее субъекта индустриализация оказалась контрпродуктивной в обеих странах. В России произошла революция сначала против монархии, затем против буржуазии. В конечном счете прав был Канкрин, указывавший на опасность для режима складывания полноценного рабочего класса. В Индии продолжение индустриализации к середине XX в. привело к дальнейшему укреплению слоя фа-

брикантов (которые и финансировали массовые кампании Ганди) и к потере политической власти теми, кто принес в страну современные технологии производства, т. е. к деколонизации.

Список использованной литературы

1. Алаев Л. Б. Проблема уровня развития Индии к началу нового времени в советской историографии 50–90-х гг. / Л. Б. Алаев // Индия и мир : сб. ст. памяти А. И. Чичерова / отв. ред. М. С. Мейер, А. М. Петров. — М. : Муравей-Гайд, 2000. — С. 65–104.
2. Антонова К. А. Советские индологи о причинах падения Могольской империи / К. А. Антонова // Очерки экономической и социальной истории Индии. — М. : ГРВЛ, 1973. — С. 164–176.
3. Балабанов М. Как возник и развивался рабочий класс в России / М. Балабанов. — М.; Л. : Госиздат, 1926. — 93 с.
4. Бокарев Ю. П. Красное колесо / Ю. П. Бокарев // Россия XXI. — 1993. — № 7. — С. 64–72.
5. Гордон Л. А. Экономическое положение рабочего класса Бомбея накануне забастовки 1908 г. / Л. А. Гордон // Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака / под ред. И. М. Рейснера, Н. М. Гольдберга. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — С. 431–495.
6. Давыдов К. В. Отчет за 1885 г. фабричного инспектора С.-Петербургского округа / К. В. Давыдов. — СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1886. — IV, 207 с.
7. Индустриализация в Индии и СССР : сб. ст. / под ред. Г. К. Широкова. — М. : ГРВЛ, 1977. — 245 с.
8. История развития текстильной и легкой промышленности России : лекции по спецкурсу / сост. Г. М. Бочина и др. — М. : РЗИТЛП, 1993. — 99 с.
9. Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е гг. XX в.) / Л. Б. Кафенгауз. — М. : Эпифания, 1994. — 846 с.
10. Кулишер И. М. История русского народного хозяйства / И. М. Кулишер. — Челябинск : Социум, 2004. — 757 с.
11. Левковский А. И. Особенности развития капитализма в Индии / А. И. Левковский. — М. : Изд-во вост. лит., 1963. — 588 с.
12. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового госу-

дарства: В 2 т. / Б. Н. Миронов. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — Т. 1. — 547 с.

13. Мохаммед Али. Пролетариат Индии / Мохаммед Али. — М.; Л.: Госиздат, 1930. — 79 с.

14. Новая история Индии / отв. ред. К. А. Антонова [и др.]. — М. : Изд-во вост. лит., 1961. — 834 с.

15. Ноткин А. И. Создание и развитие материально-производственной основы социализма в СССР / А. И. Ноткин // Советская социалистическая экономика 1917-1957 гг. — М. : Гос. изд. полит. лит., 1957. — С. 80-119.

16. Павлов В. И. Формирование индийской буржуазии / В. И. Павлов. — М. : Изд. вост. лит., 1958. — 318 с.

17. Погребинская В. А. Институциональные особенности начала индустриализации России / В. А. Погребинская. — М. : Эк. ф-т МГУ, ТЕИС, 2006. — 208 с.

18. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811-1913) : стат. очерки / А. Г. Рашин. — М. : Госстатиздат, 1956. — 350 с.

19. Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России : историко-экономические очерки / А. Г. Рашин. — М. : Изд. соц.-эк. лит., 1958. — 623 с.

20. Синх К. Бхарат ка итихас (История Индии) / К. Синх. — Калькутта : Хинди праچارак пустакалай, 1959. — (8), 695 с. (яз. хинди).

21. Струмилин С. Г. Промышленный переворот в России / С. Г. Струмилин. — М. : Госполитиздат, 1944. — 48 с.

22. Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке / М. И. Туган-Барановский. — М. : Наука, 1997. — 735 с.

23. Тхакур К. К. Бхарат мен ангреси раджья ке до сау варш (Двести лет британского правления в Индии) / К. К. Тхакур. — Илахабад : Адарш хинди пустакалай, 1959. — (5), 648 с. (яз. хинди).

24. Фурсов А. И. Колокола Истории. В 2 ч. / А. И. Фурсов. — М. : ИНИОН РАН, 1996. — Ч. 1. — 180 с.

25. Чичеров А. И. Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием (ремесло и торговля в XVI-XVIII вв.) / А. И. Чичеров. — М. : ГРВЛ, 1965. — 282 с.

26. Широков Г. К. Индустриализация Индии / Г. К. Широков. — М. : ГРВЛ, 1971. — 390 с.

27. Янжул И. И. Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882-1883 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа / И. И. Янжул. — СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1884. — XXII, 142, 66 с.

28. Bayly C. A. The Birth of the Modern World, 1780–1914 : Global Connections and Comparisons / C. A. Bayly. – Malden (Mass.) etc. : Blackwell, 2004. – XXIV, 540 p.
29. Buchanan D. H. The Development of Capitalistic Enterprise in India / D. H. Buchanan. – N.Y. : MacMillan, 1934. – 185 p.
30. Chaudhuri K. N. Foreign Trade and Balance of Payments (1757–1947) / K. N. Chaudhuri // The Cambridge Economic History of India. Vol. 2 : c. 1757–2003 / ed. by D. Kumar. – Cambridge etc. : Orient Longman; Cambridge University Press, 2004. – P. 804–877.
31. Giri V. V. Labour Problems in Indian History / V. V. Giri. – Bombay : Asia, 1959. – XX, 520 p.
32. Habib I. Indian Economy, 1858–1914 / I. Habib. – New Delhi : Tulika Books, 2006. – XII, 159 p.
33. Hunter W. W. The Indian Empire: Its Peoples, History and Products / W. W. Hunter. – L. : Trübner, 1893. – XXXII, 794 p.
34. Kydd J. C. A History of Factory Legislation in India / J. C. Kydd. – Calcutta : University of Calcutta, 1920. – VIII, 208 p.
35. Maddison A. Class Structure and Economic Growth: India and Pakistan since the Moghuls / A. Maddison. – N.Y. : Norton, 1971. – 181 p.
36. Morris M. D. The Growth of Large-Scale Industry to 1947 / M. D. Morris // The Cambridge Economic History of India. Vol. 2 : c. 1757–2003 / ed. by D. Kumar. – Cambridge etc. : Orient Longman; Cambridge University Press, 2004. – P. 553–676.
37. Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto / W. W. Rostow. – Cambridge : University Press, 1960. – XII, 179 p.
38. Roy T. The British Empire and the Economic Development of India (1858–1947) / T. Roy // Revista de Historia Económica / Journal of Iberian and Latin American Economic History. – Madrid, November 2015. – P. 1–28.
39. Roy T. The Economic History of India, 1857–1947 / T. Roy. – Oxford etc. : Oxford University Press, 2006. – XVI, 385 p.
40. Roy T. India in the World Economy: From Antiquity to the Present / T. Roy. – N.Y. : Cambridge University Press, 2012. – XIV, 288 p.
41. Tomlinson B. R. The Economy of Modern India, 1860–1970 / B. R. Tomlinson / The New Cambridge History of India. III. 3. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – XVIII, 235 p.
42. Visaria L. Population (1757–1947) / L. Visaria, P. Visaria // The Cambridge Economic History of India. Vol. 2 : c. 1757–2003 / ed. by D. Kumar. – Cambridge etc. : Orient Longman; Cambridge University Press, 2004. – P. 463–532.

Информация об авторе

Фурсов Кирилл Андреевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, кафедра ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания», Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, e-mail: kfursov@iaas.msu.ru.

Author

Fursov Kirill Andreevich — PhD in History, senior researcher, UNESCO chair «Oriental and African Studies: Contemporary Methods of Study and Teaching», Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, 11, Mokhovaya Str., Moscow, 1125009, e-mail: kfursov@iaas.msu.ru.

Библиографическое описание статьи

Фурсов К. А. Фабрика в Российской империи и Британской Индии: общее и особенное / К. А. Фурсов // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 2. — С. 219–250. — DOI : 10.17150/2308-2588.2016.17(2).219-250.

Reference to article

Fursov K. A. Factory in the Russian Empire and British India: common and particular features. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2016, vol. 17, no. 2, pp. 219–250. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(2).219-250. (In Russian).